

ФИНАНСЫ

Долговые соблазны

Евростат представил на своём сайте свежие данные по объёму государственного долга во всех странах Европейского союза. Судя по рейтингу должников, Россия для многих может служить примером того, как при всех соблазнах можно и нужно жить на свои деньги, не влезая в большие долги.

В целом по 27 странам Евросоюза объём масштабных финансовых заимствований достиг в конце прошлого года 1100736000000 евро. Для тех, кто запутался в цифрах, переведём: 11 трлн. 7 млрд. 360 млн. евро. Рост за 12 месяцев составил 1,5 трлн. Если в 2009 году госдолг в ЕС составлял 74,5 процента суммарного ВВП, то в прошлом году – уже 85,2 процента. Эта раскручивающаяся жизнь взаимно оборачивается серьёзными экономическими проблемами.

На общем невесёлом фоне получше выглядит ситуация в Эстонии (госдолг – 9,8 процента ВВП) и в Болгарии (18,5 процента) – видимо, желающих им одалживать уже нет. Зато в 14 других государствах объём финансовых заимствований превышает красную черту в 60 процентов ВВП. Рекордсменами здесь являются Греция (156,9 процента), Италия (127 процентов), Португалия (124,1 процента) и Ирландия (117,4 процента). Там можно смело прогнозировать немалые финансовые трудности.

Впрочем, и в Германии, экономика которой является локомотивом всего Евросоюза, этот показатель на весьма тревожном уровне: 81 процент. Во Франции еще больше – 90,2 процента, в Великобритании – 88 процентов.

Россия в этом плане может служить примером для многих индустриально развитых стран. Государственный долг у нас на 1 января 2013-го равнялся 6,52 трлн. рублей, или 10,4 процента ВВП. При этом объём внутренних заимствований – около 5 трлн. рублей, внешних – 1,54 трлн., или менее 50 млрд. долларов (2,5 процента ВВП). Очень благополучный показатель. Особенно если вспомнить не столь давние времена, когда новая Россия, имея огромный долг, выпрашивала у зарубежных кредиторов новые займы, а они диктовали нам, как какой-нибудь отсталой африканской стране, свои условия, требовали перестраивать нашу экономику по их рецептам. Сегодня при всех издержках экономической политики финансовое положение России является весьма устойчивым. Хотя объективности ради надо отметить, что в последнее время появляется реальная опасность неоправданного увеличения бюджетных расходов. Будем надеяться, что власти сумеют вовремя остановиться.

Но пока на одного россиянина приходится всего 46 559 рублей госдолга, или 1057,85 евро. А в Евросоюзе – в расчёте на одного жителя 21 801 евро, то есть в двадцать с лишним раз больше. Редкий случай, когда мы им не завидуем.

МНЕНИЕ | Способно ли государство искоренить привычку материться?

Коль ругнуть, так сгоряча

МАКСИМ ЮЛИН

После внесения поправок в закон «О государственном языке», которые ограничили употребление в «рабочее время» обсценной лексики – мата – для деятелей печатных СМИ, телевидения, радио, кино и литературы, в сторону государственной инициативы «взбрыкнули» деятели. Население страны в основном поправки встретило положительно.

Согласно социологическому опросу, проведённому фондом «Общественное мнение», выявился парадокс. Подавляющее большинство россиян, с малолетства зная матерные слова и активно пользуясь ими в повседневной жизни, «стареется» свести их употребление к минимуму и уж тем более не приемлет наличие мата в детской речи. Практически никто не смог ответить и на простой вопрос: чем плох мат? Единичные высказали мысль о привязке обсценной лексики к сексуальной сфере, обсуждение которой неприлично в обществе. Некоторые заявили, что мат «режет слух», но также затруднились объяснить, почему – то есть просто «режет» и всё. Более половины опрошенных подтвердили, что матерщина проскальзывает в их речи спонтанно, однако полагается административным штрафом до трёх тысяч рублей или арестом до пятнадцати суток изъявили полную готовность, так как это – «всеблагое и полезное дело». Вообще же, по современному российскому законодательству ответственность за употребление обсценной лексики в общественных местах приравнивается к ответственности за мелкое хулиганство, а в некоторых случаях – за уничтожение или порчу чужого имущества.

Действительно ли матерщина способна спровоцировать столь разрушительный эффект, сможет ли государство защитить язык от брани и каким образом в нашей языковой бочке мёда появилась эта ложка дёгтя? Попробуем разобраться вместе с заведующей кафедрой русского языка и общего языкознания филфака МаГУ Любовью Чуриллиной.

– Любовь Николаевна, почему использование мата в речи считается недопустимым?

– Коммуникативное стремление направлено на толерантность, а обсценная лексика служит для выражения отрицательной оценки в предельно грубой форме. Чем выше коммуникативный статус ситуации и чем более официальный характер она имеет, тем в большей степени накладываются всякого рода ограничения на использование обсценной лексики. Причем в официальной коммуникации мы интуитивно ограничиваем не только использование средств выражения крайне отрицательной оценки, но и крайне положительной. Это стремление к «золотой середине» является традицией русской культуры. Хотя в исторической перспективе язык формировался

таким образом, что у нас нет специальной лексики для обслуживания интимной сферы жизни человека, зато обсценная лексика имеет очень жёсткую сексуальную привязку. Вот и получилось, что мы владеем только этой ненормативной частью и более никакой другой.

– Некоторые исследователи отмечают, что в дохристианский период основные «три кита» русского мата этимологически расшифровывались достаточно прилично и матерщина имела отчетливо выраженную культовую функцию в славянском языке, использовалась в различных обрядах. В связи с этим можно ли утверждать, что русский мат оказался запретным под влиянием христианской культуры?

– С точки зрения этимологии сначала всё было просто. В славяноязычную эпоху в этой лексике не содержалось ничего плохого, но всё равно она обслуживала только ритуалы. Очень сложно говорить о христианском влиянии, потому что язык непросто регулировать чем бы то ни было, в том числе и моралью. В определённый исторический период в обществе бытовало два языка: народный, который использовался в бытовой коммуникативной сфере, и книжный церковный, распространявшийся на обрядовую сторону христианства. С течением времени эти языки слились воедино, появились нейтральные эквиваленты обсценной лексики и языковые средства распределились так, что некоторые из них остались в центре, а все прочие ушли на периферию, где и продолжают оставаться до сих пор.

– Но сейчас государство оказывает целенаправленное влияние на язык.

– Не оказывает, а лишь пытается оказать. Вообще нормативный подход к языку мы заимствовали у древних греков, которые были нацелены на поддержание своей культуры в мире варваров. Хотя на самом деле, для того чтобы язык оставался самим собой, он обязан реагировать на все изменения, происходящие в социуме. Ведь речь человека отражает его удовлетворённость качеством жизни: чем ниже это качество, тем чаще используется отрицательно заряженная лексика. Попытки государства регулировать языковую сферу оправданы только с одной стороны: если это не бытовое, не личностное общение, мы обязаны оградить людей от обсценной лексики.

– Значит, государство пытается устранить следствия, не затрагивая причину?

– Если совсем не регулировать процесс, утратится массовый адресат. Появится большой социальный слой, который окажется изолированным от массовой коммуникации лишь потому, что СМИ не отличаются разнообразием. Нужно ли это? Внешний процесс регулируется лишь в надежде на то, что наконец-то включится «внутренний регулятор». Делать же всё одинаковым – во-первых, безнадёжно, во-вторых,

ФОТО АНДРЕЙ СЕРГАНОВ

никому не нужно. В противном случае, начнут возникать группы людей, которые будут эпатировать публику, не имея возможности пользоваться той языковой системой, к которой они привыкли. Нам это ни к чему, и пусть они удовлетворяются внутри своей группы, издают свои СМИ, разговаривают на своём языке. Эта социальная стратификация – самое важное в языковом регулировании.

– То есть, использование мата в журналистике и литературе допустимо?

– В художественных текстах допустимо всё. Автор всегда знает своего читателя, а читатель находит своего автора. Я, например, никогда

не буду читать Эдуарда Лимонова, потому что это не мой писатель, в его книгах – не мой менталитет. Это совершенно другая картина мира, и Лимонов может писать всё что угодно, мне это не

интересно. Что касается СМИ, то раз уж они направлены на массы, то регулировать их язык всё-таки нужно. Но это должно быть адресное коммуникативное ограничение. У каждого источника информации, как правило, есть своя целевая аудитория. Если человек любит рок-музыку, он читает соответствующую публицистику и, скорее всего, не интересуется «глянцем». Но контроль языка СМИ вопрос не простой: однозначных решений здесь нет.

– Известны ли вам слова, которые сейчас не ограничены, но в перспективе могут попасть в разряд обсценной лексики?

– Очень популярными становятся различного рода дискурсивные исследования, когда мы ориен-

тируемся на определённый тип дискурса – язык, обслуживающий ту или иную социальную среду. В рамках одного дискурса всегда есть запрещённая лексика, которая в рамках другого окажется абсолютно нормальной. То есть, что нормально для религиозного дискурса, неприемлемо для дискурса атеистического, и наоборот. И в будущем произойдёт то же, что было всегда: в соответствии со своими представлениями язык начнут регулировать те люди, которые окажутся у руля власти. Как можно говорить, а как нельзя – у каждого своя цензура. На каждом уровне коммуникативного взаимодействия вырабатывается своя система правил. Повлиять же на язык в целом невозможно...

Единого мнения о том, кто является истинным творцом языка – народ или индивиды, – лингвистическая наука не имеет. Известны примеры и первого, и второго. Государством введены ограничения для использования обсценной лексики, и надо отметить, что письменная речь им поддалась, хотя устная – ни в какой степени. Ругаться или не ругаться матом, человек определяет для себя самостоятельно в зависимости от уровня развития внутренней культуры. Если у Пушкина, Лермонтова, Есенина найдутся такие тексты, в которых есть место нецензурной брани, что уж говорить о рядовом гражданине.

К тому же, из 27 функций, которые выполняет обсценная лексика в речи, 20 направлены на выражение неудовлетворённости качеством жизни. Стало быть, можно сделать вывод, что пока матерщина представляется «бессмертным» составляющим великого и могучего русского языка ☺